

ББК 63.3 (5Каз)
П 90

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составители *И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев*

Транскрипция скорописи XVIII в. и предисловие
И. В. Ерофеевой

Комментарии *Б. Т. Жанаева*

Научный редактор *С. А. Жакишева*

П 0503020905
00(05)-07

ISBN 9965-798-44-3

© Ерофеева И. В., Жанаев Б. Т., сост., 2007
© Издательство “Дайк-Пресс”, оформление, 2007

Документальные материалы российских путешественников и исследователей XVIII — середины XIX в. о Жетысу и Южном Казахстане

Начиная с эпохи позднего средневековья до середины XIX в., Южный Казахстан и ханства Средней Азии находились в состоянии почти полной политической и культурной изоляции от северо-западных стран Евразии. После эпохи великих географических открытий сухопутные торговые пути, служившие прежде основными каналами междивизилационных взаимосвязей между Западом и Востоком, утратили свое глобальное транснациональное значение и были сведены до уровня эпизодических торговых и дипломатических контактов отдельных среднеазиатских стран с Российской империей. До конца 60-х гг. XIX в. политическое влияние России в Казахской степи ограничивалось лишь ареалами расселения казахов Младшего и Среднего жузов, тогда как обширные территории казахских кочевий к югу и юго-востоку от Арала и Балхаша фактически являлись *terra incognita* для русской и европейской науки.

Со второго десятилетия XIX в. южные регионы Степи попали в сферу влияния Кокандского и Хивинского ханств, а также отчасти Цинского Китая, чиновники которых уделяли определенное внимание сбору разнообразной информации о географии и населении присоединенных земель, но накопленные ими знания носили большей частью фрагментарный, локальный и поверхностный характер.

Ввиду крайней скудности имеющихся в восточных источниках того периода достоверных географических и историко-этнографических знаний о Юго-Восточном и Южном Казахстане важное значение для современной науки представляют материалы путешествий российских чиновников и купцов из приграничных городов России в Казахскую степь и Среднюю Азию с дипломатическими и торговыми поручениями. Косвенным образом они способствовали накоплению разнообразных исторических знаний о кочевом населении южноказахстанского региона. Наиболее солидные историко-этнографические материалы о казахском народе и Казахстане доставили в Россию в период XVIII — середины XIX в. ташкентский торговец Нурмухаммед Алимов (1735 г.), осуществлявший транзитную торговлю через казахские степи между Ташкентским владением и поволжскими городами в 1734 — 1736 гг., посольства Карла Миллера и Алексея

Кушелева с торговым караваном в Ташкент (1738 г.), Дмитрия Гладышева и Ивана Муравина в Хиву (1740–1741), Карла Миллера в Джунгарию (1742–1743); предводитель купеческого каравана Шубай Арсланов, совершивший торговую поездку в Ташкент в 1742 г.; дипломатические миссии Дмитрия Телятникова и Алексея Безносикова (1796–1797), Михаила Поспелова и Тимофея Бурнашева (1800), Филиппа Назарова (1815) и Николая Потанина (1829–1830) в Ташкент; А. Субханкулова (1818) — в Хивинское ханство и Н. Н. Муравьева — в Туркмению и Хиву (1819–1820), Ф. К. Зибберштейна в Северную Киргизию и Старший жуз (1825), Искандера Батыршина в Северо-Восточное Приаралье на границу Младшего жуза с Хивой (1852) и некоторые другие путешественники. Дневные записки путешествий некоторых из них, главным образом исследователей XIX в., в разное время были опубликованы в различных общественно-политических и научных журналах либо же выходили в свет отдельными изданиями и в результате этого уже давно привлекли к себе внимание гуманитарно образованной общественности нашей страны и других стран бывшего Советского Союза. Но значительная часть полевых материалов российских путешественников-первопроходцев XVIII — начала XIX в. из-за их труднодоступности для современных казахстанских исследователей пока еще не только никогда не издавались в СНГ, но и до сих пор остаются почти или совсем неизвестными даже профессиональным ученым, специализирующимся на изучении истории и исторической географии дореволюционного Казахстана.

Особую познавательную ценность в этой группе рукописных исторических документов представляют путевые журналы поручика, а с 1742 г. — майора Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера о его поездке с торговым караваном в 1738 г. из Орской крепости в Ташкент и дипломатической миссии 1742–1743 гг. оттуда же в Джунгарское ханство к его правителю Галдан-Цэрену, которые бесосновательно считались в XIX–XX вв. бесследно утраченными для науки.

В середине 30-х гг. XVIII в. Карл Миллер неоднократно выезжал по заданиям начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова и Коллегии иностранных дел в приграничные кочевья Младшего и Среднего жузов, где знакомился с политической обстановкой непосредственно на местах, собирал разнообразные сведения о кочевом быте, обычаях и традициях казахского народа, изучал в степных аулах

разговорный казахский язык. Проявленные им во время этих служебных поездок незаурядные деловые и интеллектуальные способности, и в том числе хорошее знание тюркских языков, создали Миллеру в Экспедиции репутацию ответственного, исполнительного и деятельного чиновника, что впоследствии дало основание ближайшим преемникам И. К. Кирилова — В. Н. Татищеву (1737—1739), В. А. Урусову (1739—1742) и И. И. Неплюеву (1742—1755) — доверять молодому немцу выполнение наиболее сложных и деликатных поручений царского правительства и рассматривать его как одного из своих самых талантливых и перспективных помощников.

В 1736 г. И. К. Кирилов незадолго до своей кончины направил в Кабинет министров в Петербург новый обширный план в отношении Казахстана и Средней Азии. Оценивая в свете вновь полученных фактических данных возможные перспективы установления прямых торговых отношений Оренбурга с городами Туркестаном и Ташкентом, купцы которых раньше «никогда в России не торговали», он предложил проложить «через Ташкент в Индию и в Мунгалы, и в Хину путь» и выяснить по поводу него — «не будет ли ближе бухарской дороги?». Далее основатель Оренбурга писал, что намерен для выполнения этого плана отправить летом торговые караваны в Ташкент, Хиву и Бухару [1]. Скоропостижная смерть Кирилова не позволила ему практически воплотить свой замысел. Однако составленные при его жизни проекты и инструкции два года спустя попытался реализовать преемник первого начальника Оренбургской экспедиции, будущий известный географ, историк и этнограф В. Н. Татищев (1686—1750). Сразу после своего вступления в должность он распорядился летом 1738 г. об отправлении из Орска первого русского торгового каравана в Ташкент. Руководителем торгово-политической миссии В. Н. Татищев назначил поручика К. Миллера, а для описания путевого маршрута с ним был отправлен подпоручик Алексей Кушелев.

До путешествия Миллера в Ташкент царское правительство в 1731 г. уже предпринимало попытку установить прямые торговые связи России со странами Центральной Азии через Казахскую степь. Однако в первый раз пунктами назначения русского каравана были не торгово-ремесленные центры Ташкентского района, а соседние Хива и Бухара. Тогда с торговым караваном был отправлен полковник русской артиллерии, уроженец Бранденбурга, Иоганн Густав Гербер, выполнявший незадолго перед тем важное дипломатическое поручение Петра I на Кавказе и в Персии (в 1722—1729 гг.). Под видом купца

он должен было определить возможности торговли со среднеазиатскими странами, а в случае необходимости принять ранг посла. Миссия закончилась полным провалом. Купеческий караван, в котором находился И. Г. Гербер, не пройдя и половины пути, был разграблен в зауральских степях казаками рода шекты Младшего жуза во главе с султаном Батыром (ум. в 1791 г.). Чудом спасшийся путешественник возвратился в Петербург, чтобы сделать необходимые приготовления к походу в Турцию. Занимаясь ими, И. Г. Гербер умер в 1734 г. в Павловске Воронежской губернии.

Постоянно имея в виду неудачный опыт отправления И. Г. Гербера в Среднюю Азию, царские сановники в Петербурге, тем не менее, возлагали большие надежды на новое посольство, рассматривая его как первый решительный шаг в деле установления непосредственных торговых связей России с Ташкентом и Бухарой. В соответствии с этим замыслом специальная инструкция Коллегии иностранных дел, направленная в Оренбургскую экспедицию из столицы страны, вменяла Миллеру в обязанность «вытребовать беспошлинную торговлю для русских купцов и постараться съездить в бухарские города», изучить ассортимент русских товаров, пользующихся спросом у азиатских торговцев, и «составить список товаров, какие нам нужны у них есть», получить точные сведения о русских пленных и потребовать от ташкентского хана их освобождения. Отдельные положения инструкции предусматривали сбор информации о месторождениях благородных металлов в окрестностях Ташкента и подготовку топографического описания пройденного пути [2].

Получив все необходимые указания, К. Миллер вышел с торговым караваном в августе 1738 г. из Орской крепости и направился в юго-восточном направлении в город Ташкент. От Орска до Ташкента он прошел вместе со своими спутниками огромный путь расстоянием 1546 верст и, проложив за три месяца новый караванный маршрут через территорию Центрального и Юго-Восточного Казахстана, стал первым путешественником в Европе, которому удалось проникнуть в Среднюю Азию из России через Голодную степь Бетпак-Дала [3].

Однако вблизи Ташкента российских путешественников постигла крупная неудача. 2 ноября 1738 г. недалеко от г. Туркестана, возле урочища Балакампир, торговый караван был почти полностью разграблен группой казахов шымырского рода Старшего жуза. Все члены посольства, кроме Миллера, попали в плен. Сам же руководитель миссии, благодаря покровительству одного из доброжелательно

настроенных к России старшин южных казахов Кунай-мурзы смог относительно благополучно добраться до Ташкента. В течение нескольких недель он жил в этом среднеазиатском городе, общаясь с местным населением, и установил здесь личные контакты с ханом Старшего жуза Жолбарысом (ок. 1720—1739 г.), управлявшим тогда Ташкентом и смежными оседло-земледельческими оазисами, а также с влиятельными казахскими старшинами Среднего жуза — Жаныбеком (ум. в 1751 г.) и Ниязом батырами и с джунгарским наместником в Южном Казахстане нойоном Кашкой.

В конце марта 1739 г. Карл Миллер собрал в Ташкенте при содействии батыра Жаныбека и хана Жолбарыса всех членов своего посольства и, не теряя времени, отправился вместе с ними в обратный путь. Путешествие из Ферганы в Россию заняло около двух месяцев, по истечении которых русский караван без особых приключений прибыл в июне 1739 года в г. Орск. В качестве основных отчетных документов об этой поездке Карл Миллер и его товарищ Алексей Кушелев представили в Коллегию иностранных дел путевой журнал движения каравана и маршрутную карту обследованных участков казахских степей. Подготовленные ими географические и этнографические материалы со временем отложились в Российском государственном архиве древних актов в Москве, но по неизвестным причинам прежде не были обнаружены историками. Отдельные фактические сведения о Южном Казахстане и примыкающих к нему районах Ферганы, изложенные К. Миллером в путевом журнале, написанные по памяти после возвращения миссии в Орск, были использованы в 1744 г. членом Оренбургской комиссии, будущим известным историком П. И. Рычковым (1712—1777) и включены последним со ссылкой на источник в приложение к основному тексту «Истории Оренбургской», опубликованной академиком Г. Ф. Миллером в Петербурге в 1759 году. Благодаря этой публикации, европейская наука получила первые достоверные известия о политической географии, этнографии и истории южной части Казахстана и Ташкентского района, что впоследствии позволило специалистам уточнить сообщения аутентичных восточных источников об обстоятельствах правления в Ташкенте казахского хана Жолбарыса и исторических судьбах этого города в период с конца XVII до середины XVIII веков [4].

Документальные материалы К. Миллера и А. Кушелева получили высокую оценку в российских правительственных кругах. За «понесенные труды и терпение» добросовестный молодой офицер получил в 1739 г.

повышение по службе и был произведен приказом высшего командования из поручиков в секунд-майоры. Одновременно с новым формальным статусом повысился и его фактический дипломатический ранг. Начиная с 1740 г., имя Миллера часто фигурирует в служебных документах центральных и пограничных ведомств России в качестве доверенного посредника оренбургских начальников В. А. Урусова и И. И. Неплюева при организации их официальных встреч с казахскими ханами и влиятельными султанами, в ставки которых неоднократно наведывался неутомимый майор. Наряду с многочисленными поездками к казахской знати он был привлечен начальником Оренбургской экспедиции В. А. Урусовым в 1740 г. к участию в ответственных русско-казахских переговорах, где сыграл заметную роль в укреплении пророссийской ориентации правителей Среднего жуза хана Абулмамбета (1739–1771) и султана Аблая, а также в проведении в Орске протокольной процедуры принесения ими присяги на верность российскому престолу [5].

Между тем к началу 40-х гг. XVIII в. политическая обстановка в казахских жузах значительно обострилась в связи с началом очередной ойрато-казахской войны. Зимой 1741 г. после неудачного исхода военных действий против Цинской империи, джунгарские войска под командованием полководца Септенья (ум. в 1745 г.) вторглись в кочевья Среднего жуза. В течение нескольких месяцев отряды ойратов общей численностью до 30–35 тыс. человек неоднократно совершали нападения на казахов и «четырежды их разбивали». В ходе одного из таких сражений в плен к ойратам попал влиятельный султан Аблай. От верховьев Илека был вынужден отступить к Орской крепости хан Абулмамбет с отрядами своих джигитов. За короткий период джунгарам удалось опустошить кочевья казахов по Ишиму и Тоболу и нанести удар по родам Младшего жуза в долине р. Иргиз. В следующем году десяти тысячное войско ойратов, отправившись из Ташкента, совершило глубокий рейд в кочевья Младшего и Среднего жузов и преследовало казахов вплоть до верхнего течения Ори. В результате военных действий 1741–1742 гг. часть районов Среднего жуза была временно оккупирована джунгарскими войсками [6].

Одержав внушительные военные победы, джунгарский хан Галдан-Цэрен (1727–1745) предъявил казахским ханам и султанам жесткий ультиматум, потребовав от них признания политического протектората Джунгарии над казахскими жузами, предоставления ему права распоряжаться кочевьями казахов, выплату алмана (т. е. дани) и отправления аманатов (заложников) в ургу [7].

Обсуждению требований джунгарского хана было посвящено весной 1742 г. собрание 1500 народных представителей Младшего и Среднего жузов, большинство из которых пришли к мнению о необходимости удовлетворить притязания Галдан-Цэрена и заявили о своем решении хану Младшего жуза Абулхаиру. Вслед за этим событием в Оренбургскую комиссию поступили известия из степи, что «Абулмамбет-хан, Барак и Батырь-султаны предаются в подданство зюнгарского владельца Галдан-Черена, которому несколько и аманатов от себя дали и дань платить обещались». Немного позже царским чиновникам стало известно, что ойратский посланец Базар, отправленный в Средний жуз, уже доставил в Джунгарию от «Абулмамбета сына ево в аманаты, а от Барака посланцев, которых всех прибыло человек двести» [8].

Все эти сообщения однозначно свидетельствовали о том, что домогательства джунгарского хана в отношении кочевого населения Младшего и Среднего жузов наносили существенный ущерб международному престижу России в Центральной Азии, заметно подрывали ее политические позиции в казахских степях и таили в себе немалую опасность для стратегических интересов российской короны на Среднем Востоке. Перспектива объединения казахских жузов с Джунгарией и возможного появления на юго-восточных границах России грозного призрака «преокаянной» Золотой Орды в виде новой мощной державы тюрко-монгольских кочевников вызвали серьезную тревогу у царского правительства, побудив его отказаться от прежней тактики пассивного наблюдателя военных действий между казахами и их юго-восточными соседями и решительно вмешаться в казахско-джунгарские отношения.

В июле 1742 г. Коллегия иностранных дел предписала первому оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву добиваться любой ценой от правителя ойратов Галдан-Цэрена официального признания в том, что казахи Младшего и Среднего жузов являются российскими подданными и, соответственно, ему надлежит все возникающие казахско-ойратские конфликты разрешать только через посредничество оренбургских властей. Для выполнения этого сложного задания петербургские сановники рекомендовали своему подчиненному послать в Джунгарию «искусного» в степных делах офицера, который мог бы «наилучшим способом» довести до джунгарского хана точку зрения российского престола [9].

Получив эти строгие предписания из Петербурга, И. И. Неплюев принялся с присущей ему энергией за подготовку предстоящей дипломатической миссии в Джунгарию, ожидая только подходящего предлога, который позволил бы организовать этот визит. К немалому удовлетворению будущего «устроителя Оренбургского края» такой удобный повод для организации посольства не заставил себя долго ждать.

В начале 1742 г. в кочевьях хана Младшего жуза Абулхаира (1710—1748) появились посланцы джунгарского правителя нойоны Кашка и Бурун с письмом от Галдан-Цэрена, в котором он в ультимативной форме требовал «з белыми кибитками Абулхаирханова сына Айчувак-султана ...в аманаты прислать», отправить вместе с ним в ургу девять наиболее влиятельных старшин, уплатить подать со ста дворов по одному корсаку, беспрепятственно пропускать торговые караваны в Джунгарию и обратно [10]. Известие об этом событии не застало Неплюева врасплох. Будучи своевременно оповещен через своих агентов о прибытии полномочных представителей джунгарского хана в степь, он распорядился немедленно отправить Карла Миллера в ставку Абулхаира с ответственным заданием — разведать политическую обстановку и убедить хана и новоявленных джунгарских визитеров прибыть в дом губернатора в Орск [11].

Для решения поставленной задачи требовалось приложить немало усилий, включая соблюдение степного этикета, определенную настойчивость и политический такт, но Карл Миллер сумел успешно справиться с этим нелегким заданием. Удачным завершением его визита к Абулхаиру явилось персональное свидание оренбургского губернатора И. И. Неплюева с ханом Младшего жуза, который прибыл в Орск 23 августа 1742 г. со 156 представителями всех трех жузов, а также с джунгарскими и каракалпацкими посланниками. На этой встрече Неплюев твердо заявил последним, что казахи Младшего и Среднего жузов являются российскими подданными, поэтому джунгарский хан никаких легитимных прав на взимание с них податей и получение алмана не имеет. Все спорные вопросы между казахами и ойратами джунгарские власти должны разрешать в ходе непосредственных контактов с царским правительством, не прибегая к тактике сепаратных переговоров с казахскими ханами и султанами. Здесь же оренбургский губернатор объявил джунгарским посланцам, что в интересах окончательного разрешения конфликтного казахского вопроса во взаимоотношениях русской и ойратской сторон он намерен отправить к Галдан-Цэрену в ургу специальное посольство во главе с

майором Карлом Миллером [12]. Решение Неплюева поддержали все участники переговоров. Более того, хан Абулхайр, султан Ералы (1722–1795) и батыр Жаныбек пообещали обеспечить Миллеру «надежное провожание, дабы оной отправленной утратиться не мог».

При персональном назначении энергичного майора-немца главой русского посольства в Джунгарию оренбургский наместник исходил из того, что Карл Миллер, обладая относительной эрудицией в области культуры и быта евразийских кочевников, более других его подчиненных соответствовал критериям «искусного» в степной политике человека, так как умел быстро ориентироваться в незнакомой инокультурной среде, легко устанавливал контакты с казахами, «ибо быв до Ташкента и во многих их улусах, знал их кайсацкие манеры», а также свободно владел казахским языком [13]. По этим соображениям он возложил на Миллера широкий круг важных дипломатических задач.

Первым пунктом специальной инструкции губернатора российскому посланнику предписывалось вручить Галдан-Цэрену официальное письмо И. И. Неплюева с требованием о невмешательстве в дела казахов — подданных Российской империи, и убедить правителя ойратов разрешать все будущие военные конфликты с северо-западными кочевыми соседями посредством прямых переговоров с русскими пограничными командирами, не вступая ни в какие сношения с казахскими правителями [14].

Другой не менее важный пункт инструкции обязывал К. Миллера использовать все его дипломатические способности и старые связи среди джунгарской знати для освобождения султана Аблая и его подданных из джунгарского плена. Стремясь облегчить русскому посланнику выполнение этого сложного плана, пограничные власти при содействии хана Абулхайра заблаговременно сосредоточили всех плененных казахами ойратов в одном административном пункте для обмена на Аблая и его людей [15]. Кроме того, предполагалось, что русское посольство сможет убедить казахских султанов и старшин не поддаваться на угрозы и ультимативные требования Галдан-Цэрена и по-прежнему оставаться в российском подданстве [16]. С этой целью И. И. Неплюев определил К. Миллеру маршрут в Джунгарию не по давно освоенной русскими посланниками караванной дороге в верховья Или, проходившей по правобережной стороне Иртыша и Тарбагатайскому хребту, а непосредственно через казахские кочевья Младшего, Среднего и Старшего жузов, где он должен был проинформировать казахов о «заступнической» цели русской миссии

в Джунгарское ханство, рассеять их опасения по поводу данного визита и «в своем отправлении лучшее в них мнение сделать» [17].

Отдельные положения инструкции И. И. Неплюева нацеливали Карла Миллера на выполнение заданий военно-разведывательного характера: выяснение наступательного потенциала Джунгарии и ее геополитических интересов в казахских жузах, уточнение имевшейся информации о границах ойратских владений в регионе, сбор сведений о политическом влиянии Джунгарского ханства в Средней Азии и т. п. Всю полученную информацию по этому широкому кругу вопросов посланник был обязан подробно отразить в своем путевом дневнике, а проделанный маршрут по казахским кочевьям — с максимальной точностью очертить на географической карте региона.

3 сентября 1742 г. посольство Карла Миллера, состоявшее из прапорщика Николая Пазухина, «геодезии ученика» Дмитрия Тохтарова, переводчика Ивана Ерофеева, капрала Тихона Дмитриева и шести яицких казаков, отправилось из Орской крепости через казахские кочевья в Джунгарию к ойратскому хану Галдан-Цэрену. Отряд двинулся на юго-восток мимо горы Карашеттау через низовья р. Тургай, северную часть Приаральских Каракумов и многочисленные мелкие речки, берущие начало с гор Улутау. Далее миссия форсировала р. Сарысу в ее нижнем течении, прошла вдоль речки Каракингир на юго-восток к горам Хантау, где встретила передовой джунгарский караул; затем двинулась через Хантау в направлении на юг и юго-восток от Чу-Илийских гор к подножию Киргизского хребта, оттуда повернула на северо-запад и достигла Каратауского хребта. Вслед за тем она пересекла ряд коротких речек, стекающих с хребта, и вышла на нижнем участке р. Талас к окрестностям г. Туркестана. Отсюда Миллер проследовал с частью своих спутников прямо на восток, форсировал Талас и, пройдя вдоль всего Киргизского хребта, переправился через р. Чу в том месте, где она выходит из гор. Вскоре отряд добрался до верховьев р. Чу и 15 ноября 1742 г. вошел в приграничные кочевья ойратов, которыми управлял джунгарский нойон Сары-Манджи (ум. в 1745 г.). Из этого пограничного района русское посольство, невзирая на все попытки К. Миллера проникнуть в глубь Джунгарии, не было допущено ойратами к Галдан-Цэрену в ургу. По мнению оренбургских чиновников, включая самого Миллера, главной причиной этого отказа явилось стремление джунгарских властей скрыть от русского дипломата недавние поражения ойратов в войне с правителем Кокандского ханства Абд ал-Карим-бием (1734—1750),

хозяйственную разруху и эпидемии болезней в ойратских кочевьях. Поэтому все переговоры по казахскому вопросу Миллер был вынужден вести с уполномоченным Галдан-Цэрена нойоном Сары-Манджи, командовавшим джунгарскими войсками в Семиречье [18].

В кочевьях ойратов русское посольство находилось около 2,5 месяца, после чего 2 февраля 1743 г. отправилось в обратный путь. Из Семиречья отряд сначала двинулся в направлении на юго-запад к г. Туркестану, где простоял около месяца, а затем направился на север региона в Россию через пустыню Бетпақдала, р. Сарысу, скалистые горы Улутау и р. Каратургай. Следуя далее на северо-запад, он переправился через реку Олкейяк, правый приток Тургая, и прибыл 14 мая 1743 г. в Орск.

По Центральному, Южному и Юго-Восточному Казахстану Карл Миллер прошел расстояние свыше 4000 км, причем многие обследованные им территории, как, например, пустыня Бетпақдала и Чу-Илийские горы, не посещались европейскими путешественниками как до него, так и много лет спустя. Не случайно его путевой маршрут произвел огромное впечатление на джунгарских нойонов.

«Когда он, майор, в то Джунгарское владение приехал, — отмечал Миллер в своем путевом журнале, — то услышал, что они, калмыки, весьма были сумнительны, яко он чрез киргиз-кайсацкие орды проехал, понеже прежние посланцы ездили всегда чрез Сибирь, и якобы они между собой разговаривали, знатно-де, что нам ныне пришли последние веки, ибо русские послы к нам стали приезжать чрез кайсацкие орды... и от того-де находились в великом страхе» [19]. Через несколько лет информация о географическом подвиге российского землепроходца, первым из европейцев совершившего путешествие в Джунгарское ханство через Казахскую степь, дошла до сведения видного английского исследователя и путешественника Джонатаса Ганвея, который собственноручно нанес на составленную им карту Центральной Азии путевой маршрут Карла Миллера. Эта карта вошла в двухтомное сочинение Д. Ганвея, изданное в 1753 г. в Лондоне под названием «Исторический отчет о Британской торговле через Каспийское море» [20]. Благодаря указанной публикации, имя Миллера уже в середине XVIII в. стало известно не только в России, но и в европейском ученом мире.

Посольство Миллера, несмотря на несостоявшуюся возможность проникнуть в ургу к Галдан-Цэрену, сыграло в целом немаловажную роль в урегулировании казахско-ойратских отношений. Это выразилось в относительной стабилизации военно-политической обстановки на

границах казахских кочевий с Джунгарией, снятии Галдан-Цэреном с повестки дня требования о выплате алмана с семейного имущества казахов, оживлении казахско-джунгарской торговли на востоке и юго-востоке региона и т. д. [21].

Но самым главным политическим результатом русской дипломатической миссии явилось освобождение султана Аблая из джунгарского плена, существенно укрепившее авторитет России в казахских степях.

Практически все царские чиновники того времени, которым приходилось затрагивать в своих служебных материалах этот сюжет, считали знаменательный факт возвращения влиятельного султана из джунгарской неволи исключительной заслугой посольства Карла Миллера. Характерно, что такого же мнения о своем освобождении из плена придерживался с самых первых дней выхода на свободу и сам вчерашний «джунгарский пленник» казахский султан Аблай. В своем личном послании хану Среднего жуза Абулмамбету, написанном сразу после возвращения в степь, Аблай с «немалой бранью» укорял патрона в бездействии по отношению к джунгарскому хану и недвусмысленно утверждал, что «свобода-де ему оттоль учинена... чрез посылку туда майора Миллера» [22]. Примерно в том же духе оценивается роль посольства Миллера в освобождении Аблая из плена и в современной исторической науке, что нашло отражение не только в ряде специальных научных изданий по истории Центральной Азии [23], но и в крупных энциклопедических справочниках последних лет [24].

В мае 1743 г. К. Миллер составил маршрутную карту путешествия в Джунгарское ханство и обратного пути, а также подготовил подробный путевой журнал в трех частях, повествующий о деятельности русского посольства в казахских и ойратских кочевьях и собранные им разведывательные данные о военно-политической обстановке в южноказахстанских степях.

На географической карте Казахстана Миллер схематично изобразил ранее неизвестное европейским географам и картографам расположение рек Центрального и Юго-Восточного Казахстана — Тургая, Сарысу, Чу и Таласа, а также сеть более мелких речек, впадающих в эти водоемы. Сто лет спустя один экземпляр этой карты был обнаружен в Оренбургском архиве известным русским географом и этнографом Я. В. Ханьковым (1818—1862), который вскоре опубликовал его вместе с собственными примечаниями на страницах «Географических

известий». «Документ этот, — отмечал он, — был бы всегда любопытен как первое достоверное известие о странах, лежащих к востоку от Арала, но, сверх того, он и доселе остается единственным показанием этого рода, ибо путь, пройденный К. Миллером к юго-востоку от Сарысу, не был посещен после него ни одним образованным путешественником» [25].

Публикация Я. В. Ханькова привлекла внимание к материалам путешествия посольства К. Миллера в Джунгарию 1742—1743 гг. многих других российских и зарубежных географов и историков-востоковедов, в результате чего имя Карла Миллера с того времени стало часто упоминаться в их научных трудах и, благодаря этим изданиям, прочно вошло в мировую историю географических открытий и путешествий европейцев в далекие азиатские страны [26]. Во второй половине XIX — начале XX в. о поездках К. Миллера в Ташкент и Джунгарию писали такие крупные ученые, как И. В. Мушкетов (1850—1902), И. Ф. Бабков (1827—1905), М. И. Венюков (1832—1901), В. В. Бартольд (1869—1930), Л. С. Берг (1876—1950) и многие другие [27]. По единодушному мнению всех этих авторитетов, составленная К. Миллером карта его маршрута в Джунгарское ханство представляет собой первый и единственный до середины XIX в. источник географических сведений о районе Чу-Илийских гор и бассейнах исторических рек Чу, Талас и Сарысу, остававшихся долгое время неизвестными российским ученым.

Более драматично сложилась историческая судьба другого документа посольства Карла Миллера — путевого журнала или дневника. Один экземпляр этого документа был представлен Миллером в Оренбургскую губернскую канцелярию, а два других в Петербург — в Коллегию иностранных дел и Сенат. Ввиду плохих условий хранения исторических документов в губернских канцеляриях провинциальных российских городов рукописный оригинал журнала К. Миллера, хранившийся в Оренбургском архиве, уже к середине XIX в. был окончательно потерян для науки, и известный исследователь Я. В. Ханьков при всем своем старании не смог там его отыскать. По этому поводу русский ученый писал несколько лет спустя: «Относительно степи сибирских киргизов первое по времени отчетливое показание должно заключаться в журнале Миллера 1742 года, но он, к сожалению, не дошел до нас» [28].

В последующие годы это поспешное заявление об утрате вышеуказанного материала было слишком доверчиво воспринято

многочисленными последователями Ханькова, каждый из которых неизменно повторял в своих научных трудах в течение двух последних веков ставшую хрестоматийной, но ошибочную версию о бесследной утрате рукописи журнала К. Миллера.

Между тем сорок лет назад видный советский историк В. Я. Басин (1931–1985), работая в Москве в центральных государственных архивах бывшего СССР, обнаружил в фондах Сената и Коллегии иностранных дел две авторские рукописные копии первой и третьей частей считавшегося утраченным походного дневника [29]. Первый раздел журнала, представляющий собой описание маршрута продвижения посольства в Джунгарское ханство по казахским степям, он несколько лет спустя опубликовал в сборнике документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [30], но основная часть рукописи, где излагались ценнейшие исторические сведения о российско-ойратских переговорах по казахскому вопросу, обстоятельствах пребывания Миллера у джунгарского нойона Сары-Манджи и на территории Южного Казахстана, не вошла в это издание и до сих пор ни разу не издавалась.

Незадолго до своей кончины профессор В. Я. Басин передал автору этих строк фотокопию журнала Карла Миллера, благодаря чему в 1991 г. этот важный исторический документ был более или менее основательно исследован в источниковедческом отношении [31] и впервые основательно использован в исторических трудах [32].

Принимая во внимание его непреходящую ценность как источника богатых и многообразных сведений по исторической географии Казахстана, истории международных отношений в Центральной Азии и политической деятельности одного из видных их участников и творцов, составитель данного издания посчитал своим долгом перед современниками опубликовать журнал Миллера на страницах настоящего издания.

На путевом журнале 1742–1743 гг. практически обрывается жизненный след замечательного дипломата, путешественника и исследователя, принадлежавшего к лучшей части немецкой «мобильной диаспоры» Российской империи. К великому сожалению, мы пока ничего не знаем о его дальнейшей личной и профессиональной судьбе, ни, тем более, о том, когда, каким образом и где именно на необъятных просторах новообретенного отечества закончил свои дни спаситель будущей казахской знаменитости. Но даже те немногие разрозненные сведения о Миллере, которыми сегодня располагают отечественные

востоковеды и историографы, позволяют отчетливо увидеть, какой значительный и разносторонний вклад был сделан им в «общевропейское хранилище» географических и историко-этнографических знаний о Центральной Азии. Будем надеяться, что изучение трудов жизни и деятельности Миллера данной публикацией не ограничится и последующие поиски историков в разных архивах СНГ смогут в недалеком будущем пролить новый свет на загадочную биографию этого видного героя политической истории Казахстана середины XVIII столетия.

Наряду с журналами К. Миллера важное научно-практическое отношение для изучения истории и культуры Южного Казахстана имеют материалы дипломатического путешествия Д. Гладышева и И. Муравина в Хиву во время краткосрочного пребывания там на ханском престоле хана Младшего жуза Абулхайра. В XIX—XX вв. основная часть этих источников уже дважды частично издавалась российскими и советскими учеными. Неопубликованным осталась только оригинальное народное предание казахов о средневековом городе Джанкенте, некогда расположенном в устье Сырдарьи и разрушившемся в последующие столетия. В данном издании все материалы этой важной поездки издаются в полном объеме.

В числе наиболее ценных рукописных материалов по истории казахского народа и южных казахских земель, ранее не публиковавшихся в дореволюционной России и Советском Союзе, следует указать также письменные показания о своей поездке в Ташкент («сказку») вятского купца, татарина Шубая Арсланова, в которых содержатся ценные фактические сведения о Туркестане и Ташкенте в период их пребывания под протекторатом Джунгарского ханства, казахско-ойратских отношениях и политике джунгарского хана Галдан-Цэрена на территории завоеванных казахских земель.

Отдельную группу издаваемых в этом томе материалов составляют рапорты и донесения царских пограничных чиновников, извлеченные составителем тома из Оренбургского и Омского областных архивов о политическом положении казахов Среднего и Старшего жузов на юге региона в период конца 70-х — начала 80-х гг. XVIII века. Большинство из них не только никогда прежде не издавались в бывшем Советском Союзе, но даже не были известны специалистам по истории дореволюционного Казахстана и лишь сейчас вводятся в научный оборот. Большое научно-практическое значение этих исторических документов заключается в том, что они существенно

дополняют и уточняют существующие представления о последних годах жизни хана Среднего и части Старшего жузов Абылая (1771–1780) и позволяют внести необходимую ясность в вопрос о точной дате смерти этого выдающегося правителя Степи, изрядно запутанный многими дилетантскими печатными опусами некоторых малокомпетентных историков и публицистов.

К категории малоизвестных либо почти неизвестных материалов первой половины XIX в., посвященных южноказахстанскому региону, можно отнести рукописные путевые записки («замечания») поручика Оренбургской пограничной канцелярии Абдунасыра Субханкулова о его поездке по западным казахским кочевьям в 1818 г. в Хиву, которые содержат новые оригинальные сведения о жизни кочевников-казахов в районе плато Устюрт; записки младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Алюковича Батыршина (1820 — после 1855) о последнем по времени правлении в Степи казахского хана Ермухаммеда (Иликя) Касымова (1845–1852), кочевавшего в середине XIX в. в приаральских степях; и «Распросное описание» казахских земель в Чу-Таласском районе, составленное переводчиком Алатавского округа Иваном Андреевичем Бардашевым (1831–1868) в 1859 году. Во всех этих записках содержатся ценные исторические сведения об отдельных видных правителях Степи первой половины XIX в., а также данные по исторической географии региона, которые являются существенным дополнением к ранее опубликованным материалам по истории Южного Казахстана.

Важным дополнением к путевым материалам русских чиновников по истории и этнографии разных частей южных казахских земель в содержании тома являются Ведомость Семиреченского областного проявления о численности казахского кочевого населения учрежденной в 1868 г. в составе Туркестанского генерал-губернаторства Семиреченской области и сведения о зимовках и летовках казахских волостей Жетысу во второй половине XIX в., собранные местными чиновниками в 70–90-х гг. XIX века. Принимая во внимание, что ранее опубликованные документальные материалы по истории Жетысу этого периода включают в себе лишь локальные и фрагментарные данные о расселении казахских родов и племен Старшего жуза и конкретных местах их сезонных кочевков на территории Семиречья, но не создают более или менее общей и цельной картины, издание новых детализированных источников по данной проблеме поможет казахскому читателю намного лучше и глубже, чем прежде, составить представление об особенностях

размещения различных социальных групп казахов в историко-географическом пространстве юго-восточного региона.

Помещенные в этом томе исторические материалы XVIII – середины XIX в. печатаются в оригинальном виде с сохранением авторской формы изложения и индивидуальных особенностей стиля их написания. Редакционной обработке подверглась только пунктуация источников, которая приведена в соответствие с современными нормами русского языка.

Выявление публикуемых документов в архивах и печатных изданиях, транскрипцию скорописи XVIII в. рукописных текстов того периода, составление тома и подготовку научных комментариев к содержанию включенных в него исторических источников осуществила ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК И. В. Ерофеева. Указатели имен и географических названий подготовили президент ОФ «Международный Фонд Абулхайр-хана» А. А. Альмукамбет и научный сотрудник Института истории и этнологии МОН РК М. Сатенова. Компьютерный набор текста тома выполнили сотрудники ЦГА РК И. Самигулин и Института истории и этнологии АН А. Ракишева.

Составители тома выражает глубокую благодарность сотрудникам ЦГА РК А. А. Адельгужину и Н. П. Кропивницкому за ценные советы и компетентную помощь в выявлении исторических документов.

И. В. Ерофеева

1. Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. № 74. С. 138; *Голикова Н. Б.* Ташкент и его округ в 40-е гг. XVIII в. по свидетельству очевидцев // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». 1990. № 6. С. 16–17.

2. Sammlung Russischer Geschichte. Spb. 1760. Bd. 4. S. 1–182; *Григорьев В. В.* О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // Известия РГО. Т. VI: 1870. Отд. 1; *Белковец Л. П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюминг. Томск, 1988. С. 89–90.

3. *Соловьев С. М.* История Российская с древнейших времен. М., 1887. Т. 20. С. 341.

4. *Рычков П. И.* История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 39; Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. В. Ханькова // Вестник РГО. Ч. 1. 1851. Отд. VI. С. 47.

5. Поездка Поспелова и Бурнашева. С. 43–44; *Абдураимов А.* Первый русский купеческий караван в Ташкенте (1738–1739) // *Известия АН УзССР.* 1955. № 8. С. 87–93.
6. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. *Алма-Ата,* 1961. С. 146–157.
7. Из истории Казахстана XVIII в. // *Красный архив.* 1938. Т. 2 (87). С. 138; Казахско-русские отношения. С. 291.
8. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 263 об; *Красный архив.* 1938. 12 (87). С. 139; *МИКССР Т. 2. Ч. 2. Док. № 1.* С. 28–29.
9. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 70; Ф. 113. Оп. 1. 1742 г. Д. 3. Л. 3 об.; *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. *Алма-Ата,* 1991. С. 124–125.
10. Казахско-русские отношения. С. 222.
11. Там же. С. 193–196.
12. ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–33 об; Казахско-русские отношения. С. 134–160.
13. Казахско-русские отношения. С. 229–254.
14. ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 и др.; Казахско-русские отношения. С. 256.
15. Казахско-русские отношения. С. 228–229.
16. Там же. С. 223–226.
17. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 103; Д. 2. Л. 21–22 об.
18. Казахско-русские отношения. С. 223.
19. РГАДА. Ф. 248. Кн. 28/249. Л. 218–219.
20. *Hanway J.* An historical account of the British trade over the Caspian Sea. 2d. ed. L. 1754. Vol. 1–2; Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, составленной д. ч. Я. В. Ханьковым // *Записки РГО.* Кн. V. 1851. С. 325.
21. *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. С. 127–139.
22. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 97; Казахско-русские отношения. С. 302; *Красный архив,* 1938. Т. 2 (87). С. 142.
23. *Шоинбаев Т. Ж.* К вопросу о присоединении Среднего жуза к России // *Труды ИИАЭ АН КазССР.* 1962. Т. 15. С. 53; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978; С. 158; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979. С. 77; *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. *Алма-Ата,* 1991. С. 140–161.

24. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия в пяти томах / Гл. ред. В. Л. Янин. Т. 1 (А–Д). М., 1994. С. 11; Акмола. Энциклопедия / Гл. ред. Р. Н. Нургалиев. Алматы, 1995. С. 284.

25. Ханьков Я. В. О карте Миллера Маршрута от Орска до Зюнгарских владений и обратно // Географические известия. 1850. Вып. IV. С. 663.

26. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. 3. М., 1984. С. 141–142.

27. Бабков И. Ф. О ходе топографических исследований озера Балхаша и его прибрежий // Записки РГО по общей географии. Т. 1. СПб., 1867. С. 333; Мушикетов И. В. Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. Т. 1. СПб., 1900. С. 73; См. также работы советских исследователей С. Е. Феля, В. Федчиной, Э. А. Масанова, А. С. Бейсеновой и других.

28. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 262–266 об.; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 155.

29. РГАДА. Ф. 248. Кн. 29/149; АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1743 г. Д. 2.

30. Казахско-русские отношения. Док. № 98. С. 254–257.

31. Краткие сведения о содержании рукописной части журнала имеются в вышеуказанной статье Т. Ж. Шоинбаева (с. 53–54) и работе Х. Зияева «Интересный источник по истории Ташкента XVIII века» // Общественные науки в Узбекистане. 1974. № 7 (с. 51–53), но они не привлекли внимания исследователей.

32. Ерофеева И. В. Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVIII в. и Казахстан (Посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. С. 43–67; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 140–161.